

RU

Особенности реализации лингвоментального моделирования мира в информационной среде (на материале русского и чувашского языков)

Борисова Л. В., Губанов А. Р., Иванова А. М.

Аннотация. Цель исследования – выявить национально-культурную специфику языковой репрезентации концептосфер «человек» и «окружающий мир» на материале русского и чувашского языков. Научная новизна исследования состоит в том, что в нем впервые представлены результаты изучения языковой репрезентации концептосфер «человек» и «окружающий мир» в аспекте когнитивной и компьютерной лингвистики. В результате исследования установлено, что выявленные концепты детерминированы наличием универсальных и этноспецифических свойств, в силу чего данные концептуальные структуры в механизме языковой категоризации мира выполняют важную функцию, выступая в роли этнокультурного идентификатора. Концепты, объединяющиеся в классы и далее в кластеры, характеризуются признаками, обусловленными этноспецифическими представлениями об окружающем мире, имеющими концептуальное и вербальное функционирование. Отношения между классами могут иметь вложенные свойства, так что можно формировать иерархию свойств так же, как и иерархию классов, отражающую коллективное сознание народов, способствующую выявлению универсальных и этноспецифических особенностей восприятия и познания мира разными народами и позволяющую изучить характер актуализации этих особенностей в семантике языковых знаков.

EN

Features of the implementation of linguistic modeling of the world in the information environment (based on the material of the Russian and Chuvash languages)

L. V. Borisova, A. R. Gubanov, A. M. Ivanova

Abstract. The work aims to identify the national and cultural specifics of the linguistic representation of the concepts “human” and “the surrounding world” (based on Russian and Chuvash language material). The scientific novelty of the research lies in the fact that it is the first one to present the results of the study of the linguistic representation of the concepts “human” and “the surrounding world” from the perspective of cognitive and computational linguistics. The study has revealed that the identified concepts are determined by the presence of universal and ethnically specific properties, which means that these conceptual structures play an important role in the mechanism of linguistic categorization of the world as an ethno-cultural identifier. Concepts that are grouped into classes and then into clusters are characterized by features that are determined by ethnically specific representations of the surrounding world, which have conceptual and verbal functioning. The relationships between them can have nested properties, so that it is possible to form a hierarchy of properties in the same way as a hierarchy of classes. They reflect the collective consciousness of the people, contribute to the identification of universal and ethno-specific features in the perception and cognition of the world by different peoples, and allow for the study of how these features are actualized in the semantics of linguistic signs.

Введение

При ориентации в окружающей действительности человек строит мыслительные модели фрагментов опыта с опорой на языковой код в соответствии с лингвоментальным моделированием мира, где компонентами выступают модели – объекты, взаимодействующие с человеческой когницией (Извекова, Гузаевская, 2023, с. 268).

В когнитивной лингвистике язык и текст являются отражением ментальных процессов, в ходе соответствующих когниций интерпретируется информация из внешнего мира на основе индивидуального опыта. Этот процесс формирует целостную картину мира, где в центре внимания оказываются элементарные единицы –

концепты, фреймы, ментальные матрицы как важные аспекты компонентов концептов, как связующие звенья между мышлением и объективной действительностью, как отправные точки в исследовании ментальных структур (Бронник, 2011, с. 166). Ментальные матрицы как стереотипы традиционного народного сознания представляют собой концептуальные структуры, отражающие коллективные отношения к различным явлениям природы и общества.

Как известно, когнитивная лингвистика имеет междисциплинарный характер. «Она зародилась как комплексная область, объединяющая специалистов различных дисциплин» (Кубрякова, 1994, с. 4). В частности, с развитием лингвистики возрастает интерес к компьютерной лингвистике, например, к автоматическому анализу речевой информации на естественных языках. Это направление решает прикладные задачи: индексирование информации для поисковых систем, автоматизированный перевод с учетом коммуникативных и социальных факторов и др.

Актуальность исследования определяется интересом современной контрастивной лингвистики к изучению различных аспектов национальных картин мира, обусловлена необходимостью освещения проблем восприятия и концептуализации действительности. Исследуемым нами концептам «окружающий мир», «человек» и «причинность» присущи высокая социальная значимость и особая роль в межкультурном общении. Настоящая работа позволяет выявить особенности русской и чувашской национальных картин мира.

Поставленная цель определила решение следующих задач: 1) уточнить содержание концептуальных областей «окружающий мир», «человек»; 2) выявить кластеры, детерминированные универсальными и этноспецифическими идентификаторами концептуальных структур – классами; 3) выявить причинно-следственные отношения между классами посредством изучения входящих в данные концептуальные области языковых единиц, их ассоциативных связей.

В процессе работы нами были использованы следующие методы: методы теоретического анализа, применяемые для выведения определенных закономерностей в процессе описания; концептуальный анализ как ведущий метод для выявления кластеров и их ассоциативных связей в тех или иных концептах разноструктурных языков, направленный на выявление логических свойств той идеальной модели, относительно которой производится квалификация объекта, и ее представление; метод анализа словарных дефиниций и компонентный анализ; полевой метод, позволяющий выделить центральные (ядерные) и периферийные компоненты в структуре когнитивного пространства; сопоставительные методы исследования (сопоставительный анализ русских и чувашских текстов в рамках компаративистского подхода, основанный на выявлении сходств и различий в изучаемых концептосферах).

Материал исследования отобран из словарей русского и чувашского языков, произведений русских и чувашских писателей.

В национальную картину мира входит ряд понятий, связанных с природой и растительным миром. Для создания онтологических моделей рассматриваемой концептосферы нами были использованы произведения русских и чувашских писателей, которые объединены в соответствующие корпуса текстов, созданные через лингвистические ресурсы Gate Corpus в системе по интеллектуальному анализу текста GATE (Рисунок 1).

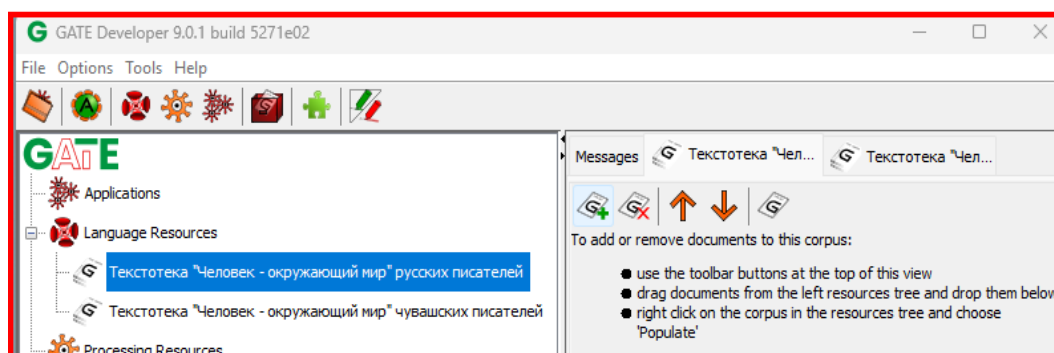

Рисунок 1. Корпусы текстов произведений русских и чувашских писателей

Теоретической основой нашей работы послужили труды исследователей в области когнитивной лингвистики (Аругюнова, 1988; Маслова, 2004; Кокора, Лучинская, 2022), где термин «концепт» выступает как ментальная сущность, которая имеет имя в языке и отражает культурно-национальное представление человека о действительности. В исследовании учтены научные достижения Н. Ф. Алефиренко (2020), в работе которой представлена системная панорама становления лингвокультурологической теории слова в рамках взаимодействия новых парадигм когнитивной семантики.

Немаловажную роль в формировании теоретической базы данного исследования сыграл труд В. С. Широносковой (2014), посвященный вопросам лингвокультурологии, где констатируется, что «любые фрагменты человеческого мира, приобретающие функцию знаков, могут служить предметом культурологического анализа. Однако наиболее полно культурная информация эксплицируется в языковых знаках, поэтому изучение национально-культурных особенностей картины мира через язык представляется наиболее эффективным» (Широноскова, 2014, с. 6).

В исследовании учитывались работы по проблемам межкультурной коммуникации и социального взаимодействия, так как коммуникативные системы являются важнейшим фактором социальных процессов, опосредствующим социальное познание в построении целостного образа мира представителями разных культур (Костикова, 2020; Чесноков, 2011).

Базой данной работы послужили практические работы по изучению лингвокультурных концептов, в которых представлены методики их исследования и конкретные примеры их анализа (Стернин, 2001; Карасик, 2004).

Теоретическая значимость настоящего исследования заключается в том, что оно пополняет теоретико-методологическую базу когнитивной лингвистики, дополняя и углубляя теоретические сведения в области языкового моделирования мира. Сделанные в работе выводы вносят вклад в расширение методологической базы для дальнейших лингвокогнитивных исследований.

Практическая значимость исследования заключается в том, что его результаты могут обогатить преподавание таких вузовских дисциплин лингвистического цикла, как «Общее языкознание», «Когнитивная лингвистика», «Лингвофольклористика».

Обсуждение и результаты

В языковых картинах мира русского и чувашского народов существует система понятий, связанных с природой, т. е. концептосфера «окружающий мир», которую можно репрезентировать через лингвистические ресурсы OWLIM Ontology в анализируемой нами системе в рамках таких кластеров, как «неживая природа», «цвет», «живая природа» (Борисова, 2015, с. 96) (Рисунок 2).

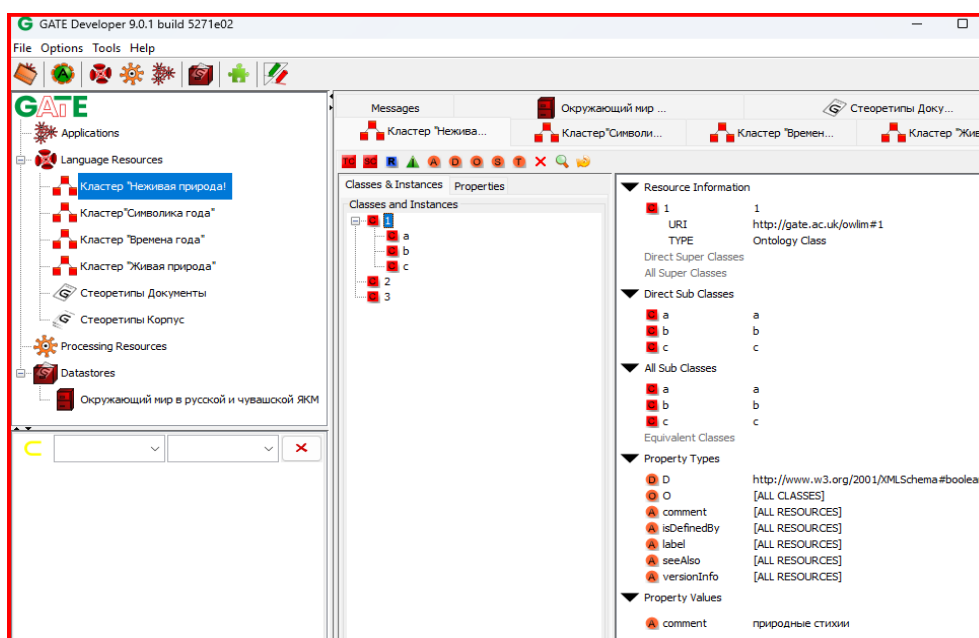

Рисунок 2. Концептосфера «окружающий мир»

В кластере «неживая природа» выделяются следующие классы-фреймы: 1) *природные стихии*, куда входят файлы-субклассы – воздух, вода – огонь, земля как первоосновы сотворения Вселенной; 2) *космोनимы* «небо – земля» как оппозиция, как супружеская пара; 3) *астронимы* (субклассы солнце – источник жизни, тепла, света; луна – загробный мир; звезды – судьба).

С вышеназванными субклассами связаны архетипические и стереотипные представления, зафиксированные в русской и чувашской языковых картинах мира (Таблица 1).

Таблица 1. Архетипические и стереотипные представления, связанные с неживой природой

Природные стихии		Космोनимы		Астронимы	
огонь		земля		солнце	
рус. яз.	чув. яз.	рус. яз.	чув. яз.	рус. яз.	чув. яз.
1) сила, могущество;	+	1) земля – место жизни;	+	1) источник;	+
2) сильное чувство;	+	2) страна, суша;	+	2) человек:	+
3) душевная энергия;	+	3) точка зрения;	+	образ и сущность	
4) стрельба;	-	4) ритуал	+		
5) жар, лихорадка;	-				
6) война	+				

Сравните следующие примеры: *Вут та вайлă, шыв та вайлă, этем тата вайлăрах* (Чувашское устное народное творчество. Пословицы, 1984, с. 13). / И огонь силен, и вода сильна, человек еще сильнее (здесь и далее перевод выполнен авторами статьи. – Л. Б., А. Г., А. И.); *Вутпа шыв Турă аллинче* (Чувашское устное народное творчество. Пословицы, 1984, с. 13). / Вода и огонь в руках Бога; *Кăвар чĕре* (пламенное сердце); *Суралнă çĕр* (родимый край, родина); *Хĕвел Турри тĕнче тытат* (Чувашское устное народное творчество. Пословицы, 1984, с. 10). / Божество Солнце держит мир; *Хĕвел çутти – Турă вутти* (Чувашское устное народное творчество. Пословицы, 1984, с. 45). / Солнечный свет – огонь Бога. Пушкин – солнце русской поэзии.

Цвет также представляет собой одну из важных когнитивных сфер, которая отражает характеристики объектов, воспринимаемых человеком визуально, а также становится предметом интерпретации и оценочного отношения (Прохорова, 2010, с. 10). Например, белый (поливалентный цвет) – изображение гармонии, традиции, чистоты; красный цвет – смешение двух параллелей, двойственность, амбивалентность; черный цвет – отрицательные значения; желтый цвет – отсутствие слабых компонентов и др. (Борисова, 2015, с. 153). В русском и чувашском языках совпадают представления о белом, красном, черном, зеленом и сером цветах, не совпадает символика желтого, розового, синего и голубого цветов. В традиционной чувашской культуре *желтый цвет* (чув.: *сарă*) характеризуется исключительно положительной коннотацией, считается одним из самых красивых (Борисова, 2015, с. 153). Например, распространенному в русской лингвокультуре устойчивому сочетанию *красно солнышко* в чувашской культуре соответствует *сарă хĕвел* (дословно: *желтое солнце*), сочетанию *весна-красна – сарă çуркунне*, сочетанию *красна девица – сарă хĕр*, *золотая рожь – сарă ыраш* и др.

Цвет также служит основой сравнения человека с определенным объектом или явлением с целью дополнительной характеристики особенностей внешности и внутреннего мира человека. В частности, в произведении «Песня Тилли» П. Хузангая (1975) цветовая символика представлена следующим образом: белый, желтый цвета – красота внутреннего мира; красный – огонь, жизненная сила; черный – отрицательная оценка. Ср.: *шурă (белый): шурă сурпан (3) (белый сурбан), шур кĕне (42, 48, 50) (белая рубашка), шур сĕске (36) (белый цветок); хура (черный): хура тăлăп (28) (черный тулуп), хура тăпра (35) (черная земля); сарă (желтый, светлый, красивый): сарă хĕр (6) (светловолосая красавица); сар качă (25) (светловолосый красавец); хĕрлĕ (красный): хĕрлĕпеле сырни (5) (написано красным).*

В русской и чувашской языковых картинах мира **кластер «живая природа»** представлен фитонимическим и зоонимическим классами. В частности, составными компонентами фитонимического класса являются такие субклассы, как гендерная символика, качества человеческого характера, физическая красота, счастье и благополучие, горе – несчастье, богатство – бедность. Ср.: *Около двора дубочки, а в доме – сыночки* (Даль, 1984, т. 2, с. 98); *Ватă юман – асатте, пысăк юман – атте* (погов.). / Старый дуб – дедушка (по отцовской линии), большой дуб – батюшка.

В рассматриваемых языках составными компонентами зоонимического класса выступают такие субклассы, как: а) священные зоонимы и зоонимы, связанные с нечистой силой (*пчела, орел, ласточка, голубь, жаворонок, аист, конь/лошадь*, а в чувашском – *пыл хурчĕ / вĕлле хурчĕ* (пчела), *ăмăрткайăк* (орел), *чĕкеç* (ласточка), *кăвакарчăн* (голубь), *ут/лаша* (конь/лошадь)); б) зоонимы с гендерной символикой, наделенные положительной, отрицательной или амбивалентной коннотацией; в) зоонимы – стереотипные представления о внешнем облике человека и о его определенных качествах, о счастье/несчастье. Приведем примеры: а) *Кăвакарчăнна чĕкеç – Турă хыпарçисем* (погов.). / Голубь и ласточка – Божьи вестники; б) *Хорошо ли, щука-рыба, без воды? / Ох, хорошо ли те, мальчишка, без жены, / Без жены – жены молоденькой, / Без молоденькой – хорошенькой?; Пирĕн атте – сăрттан пулă: / Курам пуплем тенĕ чух / Тарчĕ кĕчĕ тарăн кĕлле* (нар. песня). / Наш батюшка – рыба-щука – / Скрылся в озерной глубине / Как раз тогда, когда я хотел с ним поговорить; в) *Силен, что медведь; Шăнкăрчă пек юрлат, тарăхан кашкăр пек улат* (Чăваш халăх пултарулахĕ..., 2007, с. 93). / Поет как скворец, но, рассердившись, воет волком.

Концептосфера «жизнь человека». Известно, что человек в языковой картине мира характеризуется как единство двух противопоставленных начал: физического и духовного, эмоционального и интеллектуального, внешнего и внутреннего (Борисова, 2015, с. 215). Концептосфера «жизнь человека» в русской и чувашской языковой картине мира состоит из следующих кластеров: 1) человек; 2) религиозно-мифологическое сознание; 3) семья; 4) счастье – горе – судьба; 5) пища (Рисунок 3).

В кластер «человек» входят классы: внешний облик человека, национальные идеалы человеческой личности, гендерные стереотипы, которые имеют свои подклассы (цвет кожи, глаза, волосы по цветотипу внешности; религиозность и связанное с нею искание абсолютного добра, кротость и смирение; смелость, лихость, удаль; веселый характер и неиссякаемый оптимизм; свободолюбие и др.). Ср.: *Красная краса – русая коса; Жизнь – Богу служить* (Даль, 1984, т. 1, с. 1); *Отвага – половина спасенья*; (Даль, 1984, т. 1, с. 1); *Человек ходит, Бог водит* (Даль, 1984, т. 1, с. 2); *Ėç – пурнăç тыткăчи* (Чăваш халăх пултарулахĕ..., 2007, с. 76). / Труд – основа жизни.

Семья – динамический концепт, его концептуальные поля меняют свои значения с течением времени. В триаде «человек – язык – мир» данное концептуальное пространство в русской и чувашской языковых картинах мира представлено следующими субклассами, связанными с семейным согласием в патриархальной семье и др.: женский состав семьи; мужской состав семьи; голос любви к матери; воспитание детей. Ср.: *Арăм алса мар, куллен улайштарма çук* (Даль, 1984, т. 1, с. 464). / Жена не рукавица, каждый день не поменяешь; *Но жена не рукавица, с белой ручки не стряхнешь, да за пояс не заткнешь; Арăм сăпата мар, хуса утаймăн* (Даль, 1984, т. 1, с. 465). / Жена не лапти, не выкинешь; *Хĕвел сĕмĕнче айă, анне сĕмĕнче хăтлă* (Даль, 1984, т. 1, с. 467). / При солнышке тепло, при матери добро; Маленькие детки – маленькие бедки, большие дети – большие беды (Даль, 1984, т. 1, с. 483).

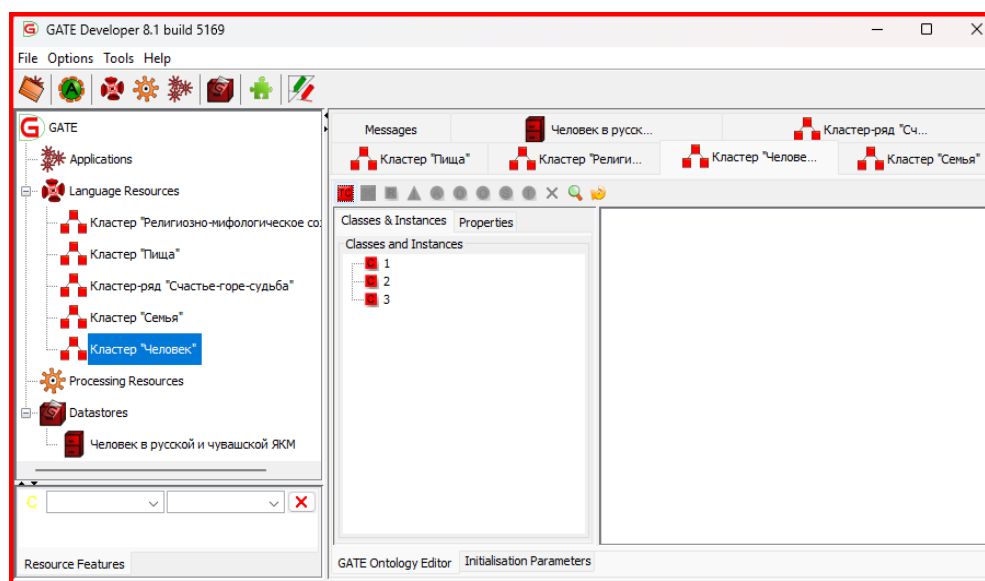

Рисунок 3. Концептосфера «жизнь человека»

Следует отметить, что пищевой код культуры (кластер «пища» в концептосфере «жизнь человека»), по мнению многих исследователей, является одним из базовых, связанных с религиозно-мифологическими представлениями и жизненным опытом русского и чувашского народов. Соответствующий кластер **содержит следующие классы: когнитивно-тематическая группа «хлеб – соль»; мучные изделия; модуль пищи животного происхождения;** обрядовая и праздничная пища; **напитки и др., включающие следующие суб-классы:** ржаной хлеб из дрожжевого теста; соль – символ наиболее важного; каравай – дар Божий, символ плодородия; пирог с начинкой *аш кукли* (пироги с мясом) и *смарта кукли* (пирог с яйцом); горячие первые блюда: суп (*яшка*), щи, уха (*пулă шӳрпӗ*), *какай шӳрпӗ* (щи с мясом); *аш* (мясо), *шӳрттан* (штыртан).

Законы этики универсальны, но этические концепты (кластер «счастье – горе – судьба») в разных языках имеют национальную специфику. Этическая языковая картина мира русских и чувашей выражается в фундаментальных ключевых этических концептах и характеризуется в языковом аспекте. Например, характерной чертой этического концепта являются следующие ассоциации, связанные с осмыслением и восприятием добра и зла (Таблица 2).

Таблица 2. Стереотипы этического концепта

Классы	Свойства (стереотипы)	Совпадает	Только рус.	Только чув.
счастье	достижение цели; спокойствие, здоровье; зыбкость, изменчивость; отсутствие несчастий	+	+	
горе	материальная субстанция; фатальная неожиданность; неприятные последствия	+	+	+
добро – зло	метафизические явления (природные явления, не зависящие от человека); социальные явления (человек в обществе); морально-нравственные явления	+	+	+

В человеческой деятельности религиозные, мифологические и иные концепты вступают между собой в сложные отношения, что порождает их контаминацию, объясняющую окружающую действительность как реальность, как банк данных, из которого черпаются многие идеи, цели, ценности. Ср. примеры: *Счастье дается совсем даром тому, кто ставит какую-нибудь цель и достигает ее после большого труда* (Пришвин, 2015); *На свете счастья нет, / Но есть покой и воля* (Пушкин, 1834); *Но счастье, как тень, убежало... Но сладкое счастье не дважды цветет* (Жуковский, 2013); *Дело в том, что счастье – это всего лишь отсутствие несчастья* (Солоухин, 1977); *Добро помни, а зло забывай* (рус. посл.); *Если добро имеет причину, оно уже не добро; если оно имеет последствие – награду, оно тоже не добро. Стало быть, добро вне цели, причин и следствий* (Толстой, 1966).

Кластер «религиозно-мифологическое сознание» в русском и чувашском языках представляет собой три базовых образа, имеющих архетипическую природу: 1) *покровитель* (архетип *покровителя*, связанный с идеей Бога), древнеславянские боги: *Перун, Велес, Хорс* и др. и древнечувашские: *Сӱлти Турă (Верховный Бог), Пихампар (Бог, оберегающий скотину), Хёрт-Сурт (Домовой)* и др. добрые боги и духи, а также духи предков; 2) *враг* (актуализируют злые боги и духи): рус.: *бесы, черти, русалки*; чув.: *усал, эсрел (черти)*; 3) *герой* (*Улып*).

Отдельного внимания заслуживают **каузальные отношения** во взаимосвязях явлений и процессов в объективной действительности, имеющие разнообразные когнитивные проявления в различных языках, так как в контексте коммуникации важно правильно осознать соответствующие отношения, понимать цель общения и выстраивать взаимодействие между участниками на основе общих целей и взаимопонимания (Валиева, 2015; Губанов, 1999). Основными кластерами, как показывает фактографический материал сопоставляемых языков, выступают причинные и целевые маркеры (Рисунок 4).

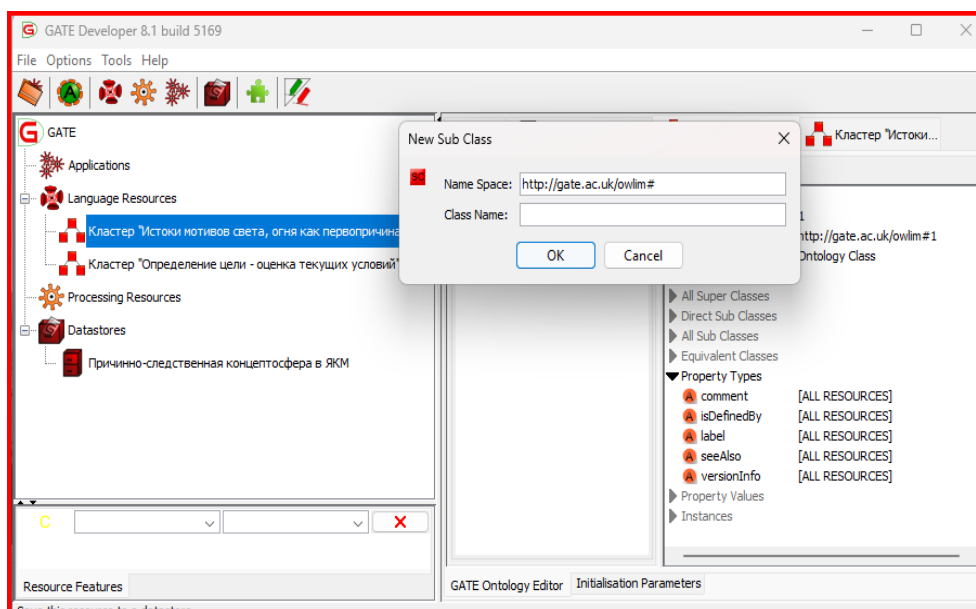

Рисунок 4. Корпусы текстов

Следует отметить, что в поэтическом дискурсе классиков чувашской литературы М. Сеспеля, Г. Айги, П. Хузангая отражается картина мира чувашского этноса, где присутствует мотив света как первопричины, представляемый через такие языковые единицы, как «огонь», «солнце», «свет». Примеры: *кăвак çутă* (синевая рассвета), *ылтăн акапуç* (золотой плут), *ылтăн сÿри* (золотая борода), *хёвел калчи* (солнечная нива).

Концептосфера «каузальная причинность» в чувашских пословицах и поговорках связана с первопричиной, отражающей мировидение: *Çут çанталăк çутти пурне те çитет* (Чувашское устное народное творчество. Пословицы, 1984, с. 9). / Света светлого дня для всех хватит; *Çутă кун çуттинче уйăх çути тĕнче тытаççĕ* (Чувашское устное народное творчество. Пословицы, 1984, с. 10). / Свет светлого дня и луны Вселенную держит.

Онтологическим характеристикам субъектного аспекта причинности соответствуют следующие ассоциативные поля: 1) причина – внутренняя осознанность: а) причина, связанная с эмоционально-психическим состоянием субъекта; стимулы-экземпляры: из уважения (хисепленĕрен), из жалости (хĕрхенĕрен), из преданности своему делу (хăй ёсне парăнăран), от скуки (тунсăх пулăран), из страха (хăранипе); б) интеллектуально-творческая и социальная характеристика личности; стимулы-экземпляры: талантливость, одаренность, интересы, мотивы, любознательность, солидарность, доброта, доверчивость, дружба, добросовестность и др.; в) самоактуализация в режиме реального времени; стимулы-экземпляры: хвастовство, баловство, шутка, шалость, удовольствие, благодарность и др.; г) адекватная самооценка; стимул-экземпляр – слабость; 2) причина – лицо: а) объект, оказывающий воздействие на субъект: под его влиянием стал больше читать, благодаря ему стал физически крепким, по случаю праздника он побыл у друга, погода мешала нам выехать срочно; б) положительная или отрицательная реакция на действие объекта: поблагодарить объекта за отличную работу, приветствовать его за мужество, наказать его за шаловливость, ругала себя за мелочную обиду; в) контактные отношения субъекта с объектом: сидеть дома из-за ребенка, из-за банки варенья поссориться с братом и т. д.; 3) непредвиденные последствия действий субъекта: по дурости, из-за жадности, не под силу и т. д.

Следует отметить, что поисковые машины в алгоритмах используют лексико-синтаксические шаблоны, по этой причине они играют важную роль в продвижении поиска. Рассмотрим параметры каузальных лексико-синтаксических шаблонов: эксплицитного и редуцированного (2):

1) эксплицитный, который выражен гипотактическими конструкциями (в русском языке это сложноподчиненные предложения с союзами *и оттого, вследствие того, по этой причине, благодаря этому*, а в чувашском языке – полипредикативные конструкции с инфинитивной формой глагола). Ср.: *Дети не мои, а ваши, и я не имею права советовать вам, потому что вы умнее меня, – продолжала бабушка, – но кажется, пора бы для них нанять гувернера* (Толстой, 1854). / *Ачасем манăн мар, санăн, çавăнпа та эпĕ сана канапш пама пултараймастăн, – терĕ асанне, – çапах та вĕсен валли гувернер тытмалла пулĕ тетĕн; Я бедный человек, – я сказал, – хочу наняться где-нибудь на фабрику; а платье мое в грязи оттого, что я упал на дороге* (Толстой, 1854). / *Эпĕ чухăн сын, – терĕм, – пĕр-пĕр фабрикăна ёсе вырнаçасишăн, тата сул çинче такăнса ўкрĕм, çавăнпа та манăн кĕпе вараланчăк;*

2) редуцированный, который может быть выражен:

а) нетаксисными структурами с зависимыми пропозитивными компонентами (в русском языке – синтаксемы с предлогами *из, от, с, из-за, по, за, по причине, вследствие, в результате, в силу*; а в чувашском – послеложно-падежные сочетания с причинными послелогами *пула, пирки*. Ср.: *Килти ёсе туманнинне пула класри ачасем ыйтусем сине хуравлаймарёс* (разговор по телефону). / *Из-за того, что дети не выучили домашнее задание, не смогли ответить на вопросы*);

б) конструкциями, в которых собственно причинная связь выражена паратактически (русские конструкции с союзами *и, а, но*, чувашские предложения с союзами *та (те), тата, анчах, çапах, е, те-те*). Ср.: *Ветер еще усиливается, и края фартука отчаянно развеваются от порывов неистового ветра* (Толстой, 1854). / *Çил татах вайланчĕ те, эпир витĕннĕ шăналăк вĕçĕсем çилне хăвăрттан вĕлкĕшме пуçларĕç*.

Таким образом, при анализе текстовой информации в системе интеллектуального анализа текста GATE были использованы такие лингвистические ресурсы, как Gate Corpus, OWLIM Ontology, для обнаружения необходимых знаний о концептосфере «человек – окружающий мир», что важно в дальнейшем для качественной и надежной автоматической обработки текстов.

Для автоматического извлечения причинно-следственной информации из русскоязычных и чувашскоязычных текстов также были использованы лингвистические ресурсы системы GATE (для выделения кластеров логических утверждений на основе причинно-следственных отношений во взаимосвязях явлений и процессов объективной действительности, для правильного взаимодействия между участниками речевого акта на основе общих целей и взаимопонимания), что также актуально для современных интеллектуальных систем, в частности для экспертных систем.

При анализе текстовой информации большое внимание уделялось процессу определения характерных в корпусе лингвистических структур лингвистических шаблонов (в поисковых машинах, как известно, они используются в продвижении поиска информации). В частности, параметрами лексико-синтаксических шаблонов рассматриваемых концептосфер выступают как эксплицитные, так и редуцированные маркеры.

Заключение

Проведенное исследование позволяет сформулировать следующие выводы:

1. Выявленные кластеры в концептосферах «окружающий мир», «человек», «каузальные отношения», в частности неживая природа, цвет, живая природа и др., детерминированы наличием универсальных и этноспецифических концептуальных структур – классов-фреймов (*природные стихии, космонимы, астронимы* и др.), которые в механизме языковой категоризации мира выполняют важную функцию, выступая в роли этнокультурного идентификатора как основные строительные блоки онтологии рассматриваемых концептов, на это указывают их таксономии – иерархии классов.

2. Созданные отношения – свойства (цвет отражает характеристики объектов, воспринимаемых человеком визуально: белый (поливалентный цвет) – изображение гармонии, традиции, чистоты; красный цвет – смешение двух параллелей, двойственность, амбивалентность; черный цвет – отрицательные значения; желтый цвет – отсутствие слабых компонентов и др.) – используются для определения и описания рассматриваемых классов (эти отношения могут иметь вложенные свойства, формирующие иерархию свойств так же, как и иерархию классов).

3. Свойства восходят к этнокультурным архетипическим и стереотипным представлениям (природные стихии – огонь (сила, душевная энергия и др.); космонимы – земля (страна, точка зрения и др.)), имеющим концептуальное и вербальное функционирование, и отражают коллективное сознание народов, способствуют выявлению универсальных и этноспецифических особенностей восприятия и познания мира разными народами и позволяют изучить характер актуализации этих особенностей в семантике языковых знаков.

Быстрый прогресс в области компьютерных технологий обработки текстов на естественных языках в перспективе способствует решению сложных и труднореализуемых задач контрастивной когнитивной лингвистики в области междисциплинарных исследований, посвященных изучению взаимосвязи и взаимодействия разнотипных языков и этнокультуры. В перспективе планируется продолжить аналогичные комплексные сопоставительные исследования других дополнительных тематических областей значимых концептов и входящих в их состав кластеров на материале русского, английского и чувашского языков, используя другие функциональные возможности ядра GATE для разработки компонентов языковой обработки концептов языковой картины мира в русском и чувашском языках, т. е. использовать в соответствующей обработке языковую инженерию.

Материалы исследования | Research materials

1. Даль В. И. Пословицы русского народа: в 2 т. М.: Художественная литература, 1984. Т. 1-2.
2. Жуковский В. А. Теон и Эсхин. 2013. <https://litlife.club/books/156149/read?page=49>
3. Пришвин М. М. Жень-шень. 2015. <https://litlife.club/books/242514/read>
4. Пушкин А. С. Пора, мой друг, пора! 1834. <https://www.culture.ru/poems/4999/pora-moi-drug-pora>
5. Солоухин В. А. Камешки на ладони. 1977. <https://litmir.club/br/?b=25419&p=15>
6. Толстой Л. Н. Анна Каренина. 1996. <https://ilibrary.ru/text/1099/p.232/index.html>

7. Толстой Л. Н. Отрочество. 1854. <https://klassika.ru/read.html?proza/tolstoj/otrochestwo.txt&page=1>
8. Хузангай П. Песни Тилли. Стихи и поэмы / пер. с чуваш. А. Казакова. Чебоксары: Чувашское книжное издательство, 1975.
9. Чăваш халăх пултарулăхĕ. Ваттисен сăмахĕсем [Чувашское устное народное творчество. Пословицы] / О. Н. Терентьева пухса хатĕрленĕ. Шупашкар: Чăваш кĕнеке издательствĕ, 2007.
10. Чувашское устное народное творчество. Пословицы. Чебоксары, 1984

Источники | References

1. Алефиренко Н. Ф. Лингвокультурология. Ценностно-смысловое пространство языка. Изд-е 6-е. М.: Флинта, 2020.
2. Арутюнова Н. Д. Типы языковых значений. Оценка. Событие. Факт. М.: Наука, 1988.
3. Борисова Л. В. Стереотипы традиционного народного сознания и этнокультурные архетипические представления в языковой репрезентации (на материале русского и чувашского языков): дисс. ... д. филол. н. Казань, 2015.
4. Бронник Л. В. Концепт как объект исследования когнитивной лингвосинергетики // Когнитивные исследования языка. 2011. № 9.
5. Валиева Л. Г. Каузальность в татарском литературном языке. Казань: ИЯЛИ, 2015.
6. Губанов А. Р. Отношения обусловленности в разноструктурных языках: дисс. ... д. филол. н. Чебоксары, 1999.
7. Извекова Т. Ф., Гузаевская С. Н. Ментальное моделирование мира и процесс познания с позиции лингвистики // Контекст и рефлексия: философия о мире и человеке. 2023. Т. 12. № 2А.
8. Карасик В. И. Этноспецифические концепты // Введение в когнитивную лингвистику: сборник статей. Кемерово, 2004.
9. Кокора Ю. В., Лучинская Е. Н. Концепт как основная мыслительная единица лингвокультурологии // Язык: история и современность. 2022. № 2 (13).
10. Костикова Ю. В. Языковая картина мира как предмет изучения в теориях современной коммуникации // Теория языка и межкультурной коммуникации. 2020. № 3.
11. Кубрякова Е. С. Парадигмы научного знания в лингвистике и ее современный статус // Известия Российской академии наук. Серия литературы и языка. 1994. Т. 53. № 2.
12. Маслова В. А. Введение в когнитивную лингвистику. М.: Наука, 2004.
13. Прохорова М. Е. Цвет как основа характеристики человека в сравнительных словосочетаниях: на материале русского, английского и французского языков: дисс. ... к. филол. н. Тамбов, 2010.
14. Стернин И. А. Методика исследования структуры концепта // Методологические проблемы когнитивной лингвистики / науч. ред. И. А. Стернин. Воронеж: Изд-во ВГУ, 2001.
15. Чесноков П. В. Картина мира в языке и речи // Ярославский педагогический вестник. 2011. Т. 1. № 2.
16. Широносова В. С. Национально-культурная специфика языковой картины мира австралийской баллады: автореф. дисс. ... к. филол. н. СПб., 2014.

Информация об авторах | Author information

Борисова Людмила Валентиновна¹, д. филол. н., доц.

Губанов Алексей Рафаилович², д. филол. н., проф.

Иванова Алена Михайловна³, д. филол. н., проф.

^{1, 2, 3} Чувашский государственный университет имени И. Н. Ульянова, г. Чебоксары

Lyudmila Valentinovna Borisova¹, Dr

Alexey Rafailovich Gubanov², Dr

Alena Mikhailovna Ivanova³, Dr

^{1, 2, 3} Chuvash State University named after I. N. Ulyanov, Cheboksary

¹ ljudmila-borisova@yandex.ru, ² alexgubm@gmail.com, ³ amivano@rambler.ru

Информация о статье | About this article

Дата поступления рукописи (received): 30.06.2025; опубликовано online (published online): 03.09.2025.

Ключевые слова (keywords): концептуальные сферы «человек» и «окружающий мир»; коллективное сознание народов; семантика языковых знаков; кластер «неживая природа»; русская и чувашская языковые картины мира; conceptual spheres “human” and “the surrounding world”; collective consciousness of peoples; semantics of linguistic signs; cluster “inanimate nature”; Russian and Chuvash language pictures of the world.